

А.А. Немировский

СОПРАВИТЕЛЬСТВО НАСЛЕДНИКОВ СУТТАРНЫ II В МИТАННИ

(К реинтерпретации некоторых писем Амарны)

Митаннийская история освещается достаточно подробными источниками лишь после установления дипломатических связей между Тушраттой Митаннийским (вторая четверть XIV в.), сыном Суттарны II¹, и Аменхотепом III (1405–1368), т.е. начиная с периода, отраженного Амарнским архивом. Ее предшествующие периоды остаются предметом более или менее обоснованных догадок. Целью настоящей работы является восстановление некоторых событий, имевших место накануне названного рубежа, т.е. в начале царствования Тушратты².

1. Сведения EA 17.

1.1. Первое письмо, отправленное Тушраттой в Египет (Аменхотепу III, EA 17³), среди прочего сообщает:

«(11–20) После того как (iš-tu) я взошел на престол своего отца и был (еще) юн (še-eh-re-ku⁴), Утхе (UD-hi⁵) сотворил злое моей стране и убил своего господина⁶, и

¹ Хурритская фонетика достаточно специфична, чтобы условное ассириологическое чтение месопотамских написаний хурритских имен существенно искажало их облик. Хеттологи давно вышли из подобного затруднения, приблизив нормы написания анатолийских имен к их реальному звучанию, насколько оно поддается реконструкции. Аналогичным образом будем подходить к хурритским именам и мы (о хурритской фонологии см. *Хачикян Н.М.* Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985. С. 23–45; соответствующую реконструкцию митаннийских царских имен см. в ст.: *Дьяконов И.М.* Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. 1970. № 4. С. 48 сл.).

² Специально это время в науке не рассматривалось. Краткую характеристику периода см. *Gelb I.J.* Hurrians and Subarians. Chicago, 1944. P. 76–79; *O'Callaghan R.T.* Aram Naharaim. Roma, 1948. P. 85–86; *Mayrhofer M.* Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966. S. 34–35; *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962. S. 175–176; *Kuehne C.* Die Chronologie der internationalen Korrespondenz von El-Amarna. Neukirchen – Vluyn, 1973. S. 18–21; *Goetze A.* The Struggle for the Domination of Syria (1400–1300 B.C.) // САН³. 2/2. 1975. P. 3 ff.; *Вильгельм Г.* Древний народ хурриты. М., 1992. С. 60.

³ Ряд выражений и общий характер этого письма не оставляют сомнения в том, что оно вообще было первым письмом, отправленным Тушраттой в Египет и инициировавшим всю его дальнейшую переписку с фараонами.

⁴ Стативная форма от *sehru* с общим смыслом «малый», «младший», см. ниже.

⁵ Это написание может читаться по-разному: Тухи, как у Й. Кнудсона и С. Мерсера (*Knudtson J.A.* Die El-Amarna Tafeln. I–II. Lpz., 1915. S. 133; *Mercer S.A.* The Tell-El-Amarna Tablets. I. Toronto, 1939. P. 63), Пирхи, как у Г. Винклера, Пархи, как у Р.О. 'Каллахэна и Г.М. Аветисяна, Утхи, как у А. Гетце и Г. Вильгельма, в соответствии с обычным чтением первого знака (см. выше); как замечает В. Хельк (op. cit. S. 176), возможно еще и Лаххи. У. Моран вообще отказывается от какого бы то ни было определенного чтения, приводя стандартное условное написание через UD (*Les Lettres d'El Amarna*. P. 1987. P. 110). Сводку и разбор мнений см. *Kuehne*. Op. cit. S. 19. Anm. 84. В настоящей работе принято, вслед за Г. Вильгельмом (loc. cit.), чтение Uthi = хурр. Утхе («Принадлежащий к "уд-" состоянию/объекту»).

⁶ (11) iš-tu i-na^{GIS} kussi ša a-bi-ia ú-šì-bu (12) ú še-eh-re-ku ú ^mUD-hi a-ma-ta (13) la pa-ni-ta a-na mati^{il}-ia i-te-pu-úš-ma (14) ú be-el-šu id-du-uk. Прокомментируем детали, имеющие определенное значение при вос-

поэтому (u āš-šum)⁷ он не давал мне поддерживать дружбу с тем, кто любит меня. А (u, досл. «и») я, в особенности относительно (ar-pu-na-ma āš-šum) тех злых дел, которые делались в моей стране, не оказался небрежен (ul em-te-ki⁸), и убийц Ардассумары (Ar-ta-āš-šū-ma-ra), моего брата, вместе со всем их (людом)⁹ я убил».

Для понимания этого отрывка необходимо прежде всего пояснить точный смысл выражения še-eh-ge-ku «юный» в стк. 12. Как показал К. Кюне, опиравшийся на обширную сводку материала по применению этого и сходных терминов на древнем Ближнем Востоке¹⁰, слово šeḫru может употребляться здесь в одном из двух основных значений.

становлении последовательности изложенных событий. Ištu имеет четкий аблативный смысл, так что общепринятый в литературе перевод начального ištu стк. 11 словом «когда» (als, quand, when в разноязычных зарубежных изданиях ЕА) хотя и получает в контексте всего предложения значение, адекватное оригиналу (поскольку индоевропейские союзы вида «когда» сами имеют консеквтивный оттенок, связывая не только синхронные события, но и причину с ее ближайшим следствием), сам по себе не вполне точен. Далее, как показывают начальный предлог и субъюнктивная форма ū-ši-bi, первое предложение процитированного отрывка – придаточное. Третье предложение («Утхе злое творил... и убил...», с парой однородных сказуемых без субъюнктивных окончаний) – главное. Промежуточное «я был юн» грамматически можно трактовать и как однородное первому (придаточному), и как однородное третьему (главному), поскольку форма še-eh-ge-ku не различает субъюнктива от индикатива (впрочем, на перевод это практически не влияет). При этом на стыке каждой пары предложений (как и между однородными сказуемыми третьего) стоит по соединительному союзу и «и». (В русском переводе тот из них, что приходится на стык главного предложения с придаточным, передать невозможно, поскольку русский союз «и» несовместим с подчинительной связью, в отличие от аккадского и, способного ее дополнять, прибавляя параллельный сочинительно-консеквтивный оттенок). Этот непрерывный ряд и (продолжающийся и далее, за пределы рассматриваемого отрывка) задает строгую синтаксическую последовательность всех наших предложений, которую в данном контексте естественнее всего интерпретировать как выражение последовательности логически-временной.

Наконец, наличие союза и «и» между «сделал/творил злое дело, a-ma-ta la pa-ni-ta... i-te-pu-uš» и последующим «убил своего господина, be-el-šū id-du-uk» означает, что эти два словосочетания не эквивалентны по значению. Тогда второе из них может иметь только частное («и в том числе») или завершающее («и наконец») значение по отношению к первому. В обоих случаях пресловутое «злое дело» будет означать не какое-то определенное действие, а некую совокупность злодеяний, рассматриваемую как целое (ср. также ниже, прим. 7). Таким образом, И. Кнудзон, переводящий a-ma-ta la pa-ni-ta как «злое, зло» вообще, передает подлинник точнее всего. Грамматическая форма управляющего этим «злом» глагола i-te-pu-uš (претерит I₂ или выписанный с обычной передачей одного -р- вместо двух презенс I₂, или выписанный аналогичным образом претерит I₃, или, наконец, полностью выписанный претерит I₂, употребленный в значении презенса: эти два «времена» от глагола ерēšu в ЕА часто взаимозаменяются, см. *Knudtson. Op. cit. II. S. 1402 f.*) этому никак не противоречит: одним из значений производной породы 2 является идеально подходящее в данном случае «постоянно делать» (значение хабитативного типа, см. Языки Азии и Африки. IV/1. М., 1991. С. 92, ср. *Von Soden W. Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952. S. 121*), для производной породы 3 итеративно-хабитативное значение вообще является основным, а презенс как таковой и сам может применяться для передачи дуративно-итеративного действия в прошлом. Таким образом, во всех мыслимых случаях мы сохраняем право переводить i-te-pu-uš как «сотворял».

⁷ Это слово не может относиться к убийству «господина», поскольку конструкция «он убил своего господина и поэтому не давал мне и т.д.» выглядит довольно нелепо. Остается считать, что «поэтому» относится к «злу / злomu (делу)», названному в стк. 13, причем объем этого понятия должен превышать убийство «господина» (последнее, как только что говорилось, мотивировать наше «поэтому» неспособно). Вновь получается, что Утхе творил какое-то «зло» вообще, сверх указанного убийства.

⁸ Досл. «не пренебрег». Глагол как-то употребляется в ЕА как глагол косвенного подчинения с общим значением «забыть, упустить из внимания, пренебречь, не отнестись / поступить должным образом». Ср.: «Смотри, 10 женщин, (которых я) *mikitu* (упустил из виду), я (теперь) доставил», ЕА 64: 20–23; «Не *imiki* (не будь небрежен), царь, господин мой, относительно (*ištu*) твоей страны», ЕА 192: 15–17; «Воистину *la temike kime* (не пренебрегай тем, что) для подданных верность моему господину – воистину желание их», ЕА 51: Rev. 11.

⁹ qa-du mi-im-mu-šu-nu, досл. «со всем их», что, учитывая уничтожение, а не присвоение этого «всего», надо, разумеется, понимать как «люди» (сторонники, может быть, зависимые люди), а не как «имущество» (см. *Les Lettres... P. 111. Not. 3*). Ср.: в выражении *mimma šum-šu* слово *mimma* может получать как раз значение «все (люди)».

¹⁰ *Kuehne. Op. cit. S. 18. Anm. 80. Ср. аналогично: Les Lettres ... P. 111. Not. 1.*

В первом из них – «маленький, малолетний, несовершеннолетний» – оно подразумевает детский возраст и соответственно служит юридическим термином, обозначающим «несовершеннолетнее/недееспособное лицо», т.е. лицо, неспособное по малолетству лично вступать в права наследования и/или заключать брак¹¹. Во втором, более широком смысле – «молодой (и неопытный), юный» – слово *ṣeḥru*, как и аналогичные термины, может применяться даже к лицам, имеющим собственных детей. Именно в этом значении эпитеты «малый, маленький» часто применяются к царям и царевичам¹². С нашей точки зрения, особого удивления это не вызывает. Дело в том, что древний Ближний Восток не знает регентства как формально-правового установления. Иными словами, для вступления царя в право наследования престола, в отличие от наследования частных лиц, никаких возрастных ограничений не существовало. Применять термин «малолетний» к царевичам или царям в чисто юридическом смысле («неправомочный занимать пост») было тем самым невозможно в принципе, и в ребенке-царе на первый план выходила не формальная недееспособность, а фактическая неопытность. Но в этом отношении ребенок мало чем отличался от ненамного более зрелого царя-юноши или даже молодого человека, не накопившего достаточно опыта для своего исключительно ответственного поста. Термин, передающий подобное состояние, должен был бы одинаково употребляться по отношению к детям и людям более старшего возраста. Образ царя-ребенка в этом случае семантически растворяется в образе «слишком молодого» царя вообще и не получает необходимости в специальном терминологическом выделении. А поскольку в реальной истории с молодыми царями можно столкнуться куда чаще, чем с царями-детьми, то и в наших источниках термин с общим значением «малый», сам по себе применяющийся и к тем, и к другим, реально будет, как правило, обозначать именно первых. Так и есть во всех примерах, приведенных К. Кюне¹³.

Итак, по словоупотреблению ЕА 17 мы можем судить лишь о том, что Тушратта при воцарении мог считаться слишком молодым и неопытным для своей должности, но не о его действительном возрасте. Учитывая исключительные требования, которые царская власть предъявляла к своему носителю, слишком «молодым» для нее человека можно было бы, очевидно, считать и в 20 лет. А поскольку Тушратта был кровно заинтересован в упоминании и подчеркивании своей «юности» в ЕА 17 (см. ниже, п. 1.3), вероятность того, что под его *ṣeḥru* скрывается вполне дееспособный возраст, резко увеличивается¹⁴.

Теперь мы можем перейти к статусу Ардассумары, брата Тушратты. Заметим, что рассмотренный отрывок из ЕА 17 является единственным (кроме одного документа из Тель-Брака, см. ниже) достоверным упоминанием о нем¹⁵. На основании этого

¹¹ Возрастной границей такого несовершеннолетия в Вавилонии было достижение полного 10-летия, у древних евреев – достижение полного 13-летия, а в хурритской Аррапхе – появление бороды, т.е., очевидно, примерно 15-летний возраст.

¹² Причем во всех многочисленных примерах такого рода, приведенных К. Кюне, речь идет заведомо не о малолетках. Так, например, источником нисколько не мешает назвать Ашшурбанипала «малым» (*ṣeḥru*), а Соломона – «мальшюном» наличие у этих правителей на соответствующий момент собственных детей, не говоря уже, разумеется, о полной юридической и властной дееспособности (*Kuehne. Op. cit.*).

¹³ Разумеется, термин *ṣeḥru* мог и применительно к царям означать настоящее малолетие; так, в КВо I 10: 17, 34 тот же статив от *ṣeḥru* применяется для характеристики вавилонского царя Кадашманэллила II в первые годы его правления, когда тот именно был фактически недееспособен по малолетству (что, разумеется, не мешало ему занимать престол и формально быть полновластным царем; вместо регента при нем действовал обычный вельможа-временщик Иттитардукбалату).

¹⁴ Ср. *Kuehne. Op. cit. S. 18. Anm. 80.*

¹⁵ В литературе иногда поднимают вопрос о тождестве этого Ардассумары с одноименным «Ардас(с)умарой», упомянутым в алахаском документе АТ 108: 9. Этот документ, отправленный не известным по имени «царем» некоему Утти, предписывает тому «очистить» от пошлости ослов Никмепы, когда появится царь Арташумара (судя по этой детали, посланный указанным «царем» – автором письма). Печать на письме – митаннийского стиля, близкого стилю печати Сауссадаттара; имя царя разрушено, и от него осталось только a[?... ...]-аг. Стиль печати, остаток имени, привилегии Никмепы и, наконец, тот факт, что автор послания

отрывка в Ардассумаре видят чаще всего царя – предшественника Тушратты или, иначе, высокопоставленное лицо (возможно, даже регента) при своем (сводном?) младшем брате. Большое внимание в литературе придавалось ранее тому обстоятельству, что в тексте ЕА 17 Ардассумара нигде не называется царем¹⁶. Контекст ЕА 17 действительно позволяет, хотя и без полной уверенности, предполагать в Ардассумаре именно старшего брата Тушратты и ключевую фигуру начала его правления, так как естественно порождает образ вельможи, уничтожившего взрослого брата молодого царя, чтобы занять освободившееся место временщика при «юном» правителе (именно таким всевластным временщиком и изображается Ухте в ЕА 17: 14–16). На наш взгляд, однако, рассматриваемый текст содержит достаточно данных для более точного определения статуса старшего брата Тушратты как его царя-соправителя.

распоряжается человеком с индоарийским именем, которое зарегистрировано ЕА 17 для митаннийского царского дома, – все это в совокупности заставляет исследователей считать, что речь идет о письме митаннийского царя Сауссадаттара алалахскому царю Никмепе (который действительно известен как вассал Сауссадаттара по другим источникам). См. в целом АТ. Р. 58. № 108. Отметим, однако, что подобное письмо мог, вообще говоря, написать и позднейший митаннийский царь, используя печать Сауссадаттара как «династическую» (обычай, надежно зарегистрированный для Митанни; в частности, печать Сауссадаттара в самом деле использовали при оформлении своих документов Тушратта и его брат Ардассумар. Соответствующие документы найдены в Телль-Браке, см. *Finkel I. Inscriptions from Tell Braq 1984 // Iraq. 1985. 47. P. 194; Oates D. Excavations at Tell-Brak 1985–6 // Iraq. 1987. 49. P. 188*).

Что же касается возможностей отождествления Ардас(с)умары АТ 108 с Ардассумарой ЕА 17, то следует иметь в виду, что Никмепе был контрагентом Сауссадаттара, а отец Никмепе Идрими еще в начале своего долгого тридцатилетнего правления был контрагентом Парраттарны, более раннего царя Митанни. Никмепе, таким образом, не просто хронологически пересекался с Сауссадаттаром, но и принадлежит приблизительно к его (или даже к несколько более раннему) поколению. В таких условиях Ардассумар в ЕА 17, приходящийся Сауссадаттару правнуком, никак не мог бы действовать при Никмепе (на это хронологическое препятствие впервые указал Х. Кленгель, см. *Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.Z. I. B., 1965. S. 243. Anm. 33*): Ардассумар в АТ 108 явится, таким образом, иным, более ранним членом митаннийской династии. Поскольку он упоминается как третье лицо в письме митаннийского царя, т.е. сам не является царем, но при этом носит экстраординарное индоарийское имя, в нем можно было бы видеть митаннийского престолонаследника (см. ниже, прим. 21, о характере индоарийских имен у членов митаннийского царского рода в первой половине – середине XIV в.). Однако, во-первых, в эпоху Никмепе (ок. 1450 г.) индоарийский компонент в составе Митанни мог быть существенно сильнее, чем столетием спустя, и индоарийские имена еще могли служить обычными личными именами членов династии, не означавшими никаких экстраординарных полномочий у своих носителей. Во-вторых, «Ардассумар» АТ 108 мог и вовсе не принадлежать к царскому роду, а ведь в отдельных хурритских родах, в том числе вне Митанни (как хорошо известно по материалам Аррапки и Сирии – Палестины) индоарийские имена сохранялись как личные еще много времени спустя после того, как в царской семье Митанни они оказались вытеснены в этом качестве хурритской ономастикой и существовали лишь как добавочные, экстраординарно-тронные имена. Итак, Ардассумар АТ 108 для нас остается просто хурритом неясного статуса. Впрочем, если видеть в авторе письма Сауссадаттара (как это было бы естественнее всего), а в Ардассумаре – его сына-престолонаследника (см. выше), т.е. брата Ардадамы I, то это отлично согласовалось бы с открытой И. Гельбом склонностью митаннийской династии называть царевича по деду (т.е. представителей каждого третьего поколения по первому, см. *Gelb. Op. cit. P. 79. Not. 239*). Общеизвестное по ряду источников наличие Ардадамы (II) и Ардассумары среди сыновей Суттарны II позволило бы в свете сказанного ожидать появления их тезок в поколении их дедов. Соответствующий Ардадама в указанном поколении обнаруживается заведомо – это митаннийский царь Ардадама I, сын Сауссадаттара, – а Ардассумар из АТ 108, доверенное лицо того же Сауссадаттара, легко мог бы быть соответствующим Ардассумарой. В этом случае картина распределения имен детей Суттарны II окажется весьма стройной: братья Ардассумар (ЕА 17) и Ардадама II названы по их деду Ардадаме I и его предполагаемому брату Ардассумаре (АТ 108). Если так оно и было, то предполагаемый Ардассумар I – сын Сауссадаттара либо вовсе не дожил до воцарения, либо правил недолго, ибо никакие источники такого царя в XV в. в Митанни не упоминают (впрочем, для этого времени они очень неполны).

¹⁶ *Gelb. Op. cit. P. 77; Аветисян Г.М. Государство Митанни. Ереван, 1984. С. 52. По-видимому, однако, попытки придавать этому обстоятельству специальное значение не имеют достаточных оснований, см. ниже, прим. 31.*

1.2. Покажем прежде всего, что Ардассумара действительно был царем¹⁷. Как представляется, это явствует уже из самого ЕА 17. Во-первых, обратим внимание на примененный к Ардассумаре в стк. 14 термин «господин» (по отношению к Ухте), притом, что здесь, конечно же, он никак не может подразумевать рабского статуса названного вельможи¹⁸. Было бы достаточно странно, если бы древнемесопотамский царь (каким был автор ЕА 17) именовал кого бы то ни было, кроме лица царского же статуса, «господином» по отношению к одному из своих собственных подданных, да еще и сновнику¹⁹. Это соображение как будто ведет нас к признанию Ардассумары царем. Далее, важнейшим аргументом, на наш взгляд, здесь является само индоарийское имя «Ардассумара» (*Rta-smara, «Помнящий правду»²⁰), определяющее человека экстраординарного властного статуса, вернее всего, царского²¹.

¹⁷ И. Гельб (Op. cit. P. 76–77) и Г.М. Аветисян (Ук. соч. С. 52. Прим. 6) считают его частным, хотя и очень высокопоставленным лицом, погибшим в малолетстве Тушратты после смерти Суттарны II. Близкую позицию занимает М. Майрхофер (Op. cit. S. 34–35. Anm. 4). Согласно его реконструкции, наиболее детализированной из всех предложенных, Ардассумара был убит сразу по смерти Суттарны II в ходе переворота, изгнавшего законного престолонаследника (Ардадаму II) и посадившего на престол марионеточного Тушратту.

¹⁸ Этому обстоятельству придает также особое значение Г. М. Аветисян (ук. соч.)

¹⁹ Слово «господин» с местоименным суффиксом «мой», «его (свой)» и т.д. без каких-либо дальнейших уточнений (как и есть в ЕА 17: 14) является в ЕА стандартным обозначением царя, будь то великого или местного (например, в ЕА 75: 34).

²⁰ Дьяконов. Арийцы... С. 48.

²¹ Как показал еще Г. Гютербок, Саттиваса, сын Тушратты, носил личное хурритское имя Кели-Тессоб (Güterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by his Son, Mursili II // JCS. 1956. 10. P. 111). Из этого закономерно выводят, что индоарийские имена в митаннийской царской семье, этнически уже давно хурритской и перешедшей на хурритские личные имена, носили дополнительный, сугубо тронный характер (аналогично тронным неситским именам у этнически хурритской новохеттской династии, см. Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968. S. 62 ff., Дьяконов. Арийцы... С. 47, 49–50; Дьяконов И.М., Янковская Н.Б. Северная периферия месопотамской цивилизации IV–II тысячелетий до н.э. // История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 71. Более умеренные по отношению к ограничению арийского присутствия в Митании авторы приходят к тому же результату, ср. Вильгельм. Ук. соч. С. 45). Правда, согласно договору Саттивасы, сына Тушратты, с Суппилулиумасом (PDK 2), и сам Саттиваса, и его соперник Суттарна III носили приведенные индоарийские имена, не будучи царями. Однако оба они при этом имели статус престолонаследника-главнокомандующего – хурр. sinahila, т.е. «второй (после царя)», в аккадо-язычном хурритском словоупотреблении tertenu. (Об этой должности см. Wilhelm G. Ta/erdennu, ta/urtannu, ta/urtanu // UF. 1970. 2. S. 277 ff., Kuehne. Op. cit. S. 79. Anm. 401; Аветисян. Ук. соч. С. 85–87. Прим. 152). Очевидно, этот статус в Митании носил экстраординарный характер и приближался к царскому (ср. описание всемогущества Суттарны III как фактического соправителя своего отца, царя Ардадамы II, в PDK 2). В таком случае применение к ее носителям экстраординарных («тронных») индоарийских имен удивления не вызывает. В то же время дальнейшего расширения сферы приложения индоарийских имен по этому образцу, именно в силу его уникального и экстраординарного характера, ожидать не приходится. Действительно, все прочие известные нам члены митаннийского царского дома (к сожалению, это только две царевны – Келухеба и Тадухеба) носят хурритские имена.

Полную аналогию представляет собой должность новохеттского престолонаследника-tuhkanti, также обозначавшаяся хеттами по-аккадски как tertenu и подразумевавшая принятие соответствующим лицом «тронного» анатолийского имени. Учитывая общую для митаннийской и новохеттской династий хурритскую этническую принадлежность, это сходство едва ли может быть случайным.

Итак, «тронные» индоарийские имена в Митании могли иметь одновременно царь, его престолонаследник-sinahila, претендент-мятежники, принявшие соответствующие имена в знак претензии на эти статусы, и, наконец, изгнанники-цари и бывшие синагилы (царь мог сменить престолонаследника, однако едва ли при этом тот утрачивал раз взятое индоарийское имя). Применительно к Ардассумаре большинство этих вариантов должно быть с большей или меньшей уверенностью отведено. ЕА 17, рисуя Ардассумару одной из ключевых легитимных фигур митаннийского режима, по крайней мере с точки зрения Тушратты, не позволяет видеть в нем мятежного претендента на экстраординарную должность. Если бы Ардассумара получил индоарийское имя как престолонаследник Суттарны II, но впоследствии, тем не менее, оказался частным лицом при Тушратте (т.е., очевидно, был смещен с поста синагилы), то в ЕА 17 Тушратта, конечно, не стал бы употреблять его экстраординарное имя (ведь при предположенных условиях

Наконец, царский статус Ардассумары окончательно доказывается аккадоязычным контрактом на передачу имущества, найденным в 1984 г. в Телль-Браке²², гласящим: «(1–3) В присутствии²³ царя Ардассумары, сына царя Суттарны, Интарутти соглашение заключил». Контракт опечатан характерной митаннийской печатью с текстом: «[Ардассумар]а сын [Суттар]ны, царь Мэтта[ннэ]»²⁴.

1.3. Итак, Ардассумара – царь²⁵. Но царем-предшественником Тушратты²⁶ он быть также не мог по ряду причин²⁷:

это было равносильно подчеркиванию и прямому признанию прав Ардассумары на престол, занятый к тому времени самим Тушраттой!), а ограничился бы личным, хурритским. Интересно, что Мурсилис II в своих «Анналах», желая, видимо, подчеркнуть дистанцию между собой и братом, царем Каркемиша, называет его только личным хурритским именем «Сарри-Кушух», но не тронным анатолийским «Пиясилис»; Хаттусилис III также упоминает низвергнутого им племянника исключительно под его личным хурритским именем «Урхи-Тессоб», а не официальным тронным именем «Мурсилис». Предположение М. Майрхофера, согласно которому Ардассумара погиб как частное лицо, но в то же время еще до воцарения Тушратты (см. выше, прим. 17), устранило бы описанное затруднение и позволило бы, вообще говоря, считать Ардассумару престолонаследником Суттарны II. Однако ниже, в п. 1.3, будет показано, что это предположение неверно по существу. Наконец, стать престолонаследником при самом Тушратте, приходится ему старшим братом, Ардассумара едва ли мог: наследование трона должно, вообще говоря, идти по направлению от старших к младшим членам династии. Таким образом, в качестве роли, способной обеспечить Ардассумаре его индоарийское имя, остается лишь роль царя (если не предполагать все же передачи ему поста престолонаследника младшим царствующим братом!).

²² Комментированное издание текста см. *Finkel I. Inscriptions from Tell Braq 1984 // Iraq. 1985. 47. P. 191–194.*

²³ Это выражение может носить условно-юридический характер и не подразумевать действительного присутствия царя, см. *Ibid.* P. 193.

²⁴ *Ibid.* P. 194.

²⁵ По мнению К. Кюне, «несомненный» царский статус Ардассумары доказывается прежде всего употребленным в EA 17: 13, 17 выражением «злое дело / злые дела» (применительно к действиям Утхе). Поскольку в других ближневосточных контекстах это выражение означает «государственную измену», заговор против самого трона (Hochverrat), К. Кюне заключает отсюда, что жертва злодеяний Утхе – Ардассумара был именно царем (Op. cit. S. 19. Anm. 81). Нам это рассуждение кажется не имеющим никакой силы, даже если в EA 17 «злое дело» действительно подразумевает чрезвычайную «государственную измену», как в нескольких приведенных Кюне примерах. Во-первых, свое «зло» Утхе творил, судя по контексту, при Тушратте, так что царем по логике К. Кюне на этом основании надо было бы считать именно его, а не Ардассумару. Во-вторых, переворот, сопровождающийся убийством царевича (а не царя), тоже вполне мог, если не должен был считаться перворазрядной «государственной изменой» в том же смысле, который этому слову придает Кюне.

Более того, как было показано в прим. 6–7, «зло», сотворенное Утхи, согласно стк. 13, заведомо включало какие-то деяния и помимо убийства Ардассумары; то же самое явствует из множественного числа «злые дела» в стк. 17. Но поскольку Утхе, разумеется, не мог систематически заниматься перворазрядными государственными переворотами, становится ясно, что под «злыми делами» имеются в виду менее экстраординарные преступления (ближайшим аналогом здесь будет русский позднесредневековый термин «воровство»), в ряд которых вполне могло бы встать и убийство царевича.

²⁶ Как считают А. Гетце (Op. cit. P. 3), В. Хельк (Op. cit.), Р.О'Каллахэн (Op. cit. P. 85); Й. Фридрих (*Friedrich J. Artašumara // RLA. 1928. 1. S. 158*), К. Кюне (Op. cit. S. 18 ff.); Г. Вильгельм (Древний народ хурриты... С. 60), М. Астур (*Astour M. Hittite History and Absolute Chronology of the Bronze Age. Partille, 1989. P. 70. Not. 490*).

²⁷ На первый взгляд, о такой невозможности прямо свидетельствует уже заявление Тушратты (EA 17: 10) о том, что он «взошел на трон своего отца», т.е. преемствовал как будто прямо Суттарне II; однако мы располагаем точными доказательствами того, что подобное выражение в хетто-хурритском ареале должно было передавать лишь самую общую мысль о династической преемственности сына по отношению к царствовавшему в свое время отцу, независимо от наличия между ними промежуточного правителя: Мурсилис II в своих «Анналах» также говорит, что «взошел на престол своего отца» (КВо III 4 i 3, *Goetze A. Die Annalen des Mursilis. Lpz., 1933. S. 14 f.*), хотя достоверно наследовал своему брату Арнувандасу II (в том числе согласно тем же «Анналам»); Саттиваса, согласно Суппилиумасу, также был посажен «на престол своего отца» Тушратты (PDK 1: 55–58), хотя между ними правил Ардадама II (как известно, в частности, из того же PDK 1). Таким образом, формула «взошел на престол отца» в EA 17 не подразумевает прямого наследования Тушратты своему отцу, хотя и не исключает его.

1. Если предположить, что Тушратта воцарился по смерти Ардассумары, конструкция всего отрывка ЕА 17: 11–20 делается довольно нелепой. В самом деле, тогда получится, что Тушратта, без всяких оговорок, при перечислении событий подряд (сткк. 11–16) сначала говорит о позднем событии («я взошел на трон»), потом о более раннем (убийство Ардассумары), а потом опять о позднем (поведение Утхе в отношении самого Тушратты после воцарения последнего)! Ср. в следующем подпункте, как странно выглядел бы соответствующий перевод. Непрерывная синтаксическая связь всех предложений нашего отрывка посредством союза *u* (основное значение «и») дополнительно подтверждает логически-временную последовательность описанных в ней событий (прим. 6) и едва ли допускает обсуждаемую инверсию.

2. Более того, подобная инверсия несовместима с грамматикой глагольных форм отрывка. Отвечающий такой инверсии перевод выглядел бы следующим образом: *«Когда я вступил на престол своего отца, и/а/то (*u*) я был юн, а/и/то (*u*) (до того!) Утхе творил злое моей стране и (*u*) убил своего господина, и/а/то (*u*) (теперь) он из-за этого (*aššum annitim*) не давал мне» и т.д. Однако сказуемое *id-du-uk* «(он) убил» во фразе «убил своего господина» стоит не в субъюнктиве (обязательном для придаточных предложений в аккадском), а в индикативе. Следовательно, названная фраза не однородна придаточному времени, начинающемуся с *ištu*, и не входит в него, а принадлежит главному, управляющему им предложению (либо предложению, однородному с этим главным и подсоединенному к нему сочинительным *u*). Но если придаточное времени начинается с «когда», то сказуемое главного предложения (и соответственно однородных к нему) по определению не может передавать предшествующее по времени действие без специальных соотносительно-временных уточнений («а до того», «уже», «а к тому времени» и т.д.), в данном случае отсутствующих. Кстати, учитывая сугубо аблативную семантику *ištu* («от, после, с»), такое сказуемое не может передавать и одновременных придаточному действию и должно выражать лишь события, позднейшие по отношению к нему. Таким образом, Утхе заведомо «убил своего господина» (главное предложение) лишь после того, как Тушратта «вступил на престол» (придаточное предложение с союзом *ištu* «после/когда»).

3. Сообщение о «юности» Тушратты на момент воцарения в стк. 12 в контексте всего пассажа может преследовать только ту цель, чтобы снять с него косвенную ответственность за допущение упомянутого им сразу после этого убийства брата²⁸. Но такой способ оправдания возможен и нужен, только если убийство Ардассумары имело место в период, за который Тушратта несет ответственность и который следует за повествовательным рубежом, отмеченным его «юностью», т.е. в период его правления, после того, как он «взошел на престол».

1.3. Итак, Ардассумара – царь, но убит он был в царствование своего младшего брата. Иными словами, он – соправитель Тушратты в начальный период его царствования (до составления ЕА 17)²⁹.

Учитывая неизменное на протяжении всей известной нам истории Митанни единонаследие, ситуация соправительства должна быть признана уникальной и требует специального объяснения. Единственный ключ к такому объяснению дает, по нашему мнению, тот же отрывок ЕА 17. В самом деле, если престолонаследником Суттарны II был Ардассумара, то чем можно тогда оправдать появление при нем в качестве соправителя «юного» брата? Если же считать, что престол должен был перейти как

²⁸ Kuehne. Op. cit. S. 18. Anm. 80.

²⁹ Единственная альтернатива – считать, что Ардассумара стал в свое время царем в Митанни, но потерял престол, в итоге перешедший к Тушратте, и был, наконец, убит уже при нем как частное лицо. Однако такая версия, искусственная и излишне сложная сама по себе, не согласуется вдобавок с тем достаточно очевидным фактом, что царский статус Ардассумары пользовался полным признанием со стороны Тушратты. Повторим, что в ЕА 17 тот упоминает Ардассумару под его экстраординарным, «тронным» именем и называет его «господином» Утхе; кроме того, он подчеркнуто хвалится мстью за брата, т.е. положительно относится к его памяти. Если бы Ардассумара утратил власть, уступив ее Тушратте, все это было бы невозможно.

раз к Тушратте, но, за его «юностью» (или под предлогом таковой?), ему был назначен соправителем старший брат, все встает на свои места³⁰. Династическая ситуация могла, конечно, складываться по-разному, но в любом случае на момент своего воцарения Тушратта, очевидно, был более «легитимен», чем его брат³¹.

2. Свидетельства EA 54, EA 56, EA 75 о соправительстве в Митанни в ранний период правления Тушратты.

Итак, после смерти Суттарны II в Митанни установилось соправительство. Неожиданные и бесспорные подтверждения этому обстоятельству мы обнаруживаем в материалах Амарнского корпуса (до сих пор в связи с этим вопросом в известной нам литературе не рассматривавшиеся).

2.1. Рассмотрим примечательный пассаж о митаннийских царях, повторяющийся в двух письмах Агисси (Akizzi), царька Катны, к египетскому царю в связи с рассуждением о необходимости борьбы с хеттами (EA 54, EA 56):

EA 54:38–43: «(38) [и] посол [моего господина (царя Египта)] вот [яви]лся ко мне (39) [и ска]зал так: (40) [“Я хо]дил в страну Митт[анни] (41) и три [и четыре] ц[аря] – враги (42) [царя] страны Х[атте, которые вс]е (43) [расположены ко мн]е”³²». В полностью разрушенном контексте сткк. 44–45 упоминаются «его колесницы» и «его посол», далее текст не сохранился.

Ср. о том же и теми же словами в EA 56:36–45: “(36) и посол [моего г]осподина (37) пришел ко мне (38) и сказал так: (39) «Я [ход]ил в страну Миттанни (40) и три и четыре царя (ú šaṭṭanu 3 ú 4) – враги (41) царя страны Хатте, которые в[се] (42) расположены ко мне ([a-na] ra-ni-ia ša-ak-nu). (43) [И] мой [г]осподин говорил их [посл]ам (44) ...[страна] Хурри... (45) ...д[ел]а... (далее разрушено. – А.Н.)”.

Комментария требует прежде всего сама формула «šaṭṭanu 3 ú 4». Возможные переводы – дословное «три и четыре царя» (не «семь царей!»), что не дает ясного смысла, и кажущееся более оправданным «три или четыре царя», «три-четыре царя», как и переводят все издатели EA. Однако что могло бы в последнем случае вызвать неуверенность информатора в числе царей (три и четыре не столь большие числа, а цари – слишком важные персоны, чтобы допустить подобную приблизительность)? С другой стороны, смысл нашей конструкции может быть легко объяснен обычной для семитских языков передачей значения «целых N объектов» выражением «N-1 и (даже) N объектов». Ср. выражения того же Тушратты в аккадоязычном EA 29,

³⁰ Как кажется, митаннийская структура власти действительно могла в аналогичных ситуациях подталкивать царскую семью к подобным экспериментам. В самом деле, власть в Митанни наследовал престолонаследник-главнокомандующий. Но «юный» царевич, даже назначенный уже «на перспективу» престолонаследником, реальным главнокомандующим быть, очевидно, не мог, и в таком случае эту роль исполнял, как и ранее, один из обойденных старших царевичей. Если в подобной ситуации царь-отец умирал прежде, чем младший сын успевал достичь возраста, позволяющего ему фактически вступить в командование, то статус митаннийского «престолонаследника» как бы раздваивался, и вполне естественно было бы установление соправительства обоих носителей отдельных компонентов этого статуса.

³¹ Описанной ситуацией можно было бы легко объяснить, почему в EA 17 Тушратта не титулует брата царем, хотя таковым он, как выясняется, все-таки был: будучи «легитимнее», Тушратта мог (и, по понятным причинам, вероятно, был склонен) относиться к старшему брату-соправителю с известной ревностью, не признавать его за равного и соответственно не именовать царем. Существует, однако, более простое объяснение. В аккадоязычном EA 29: 16–19 и в хурритоязычном EA 24: i 47, iii 52, Тушратта, вводя в текст письма своих отца и деда, не титулует их царями, а просто говорит: «Суттарна, мой отец» и «Ардадама, мой дед». Этот способ выражения представляет собой полную аналогию «Ардассумаре, моему брату» EA 17: 19. Между тем Тушратта, конечно, не собирался принижать своего отца и деда (тем более, что в EA 24 и EA 29 он ссылается на события их правления как на образцовые, а в EA 19: 44–58 и EA 29: 146, 163 выражает подчеркнутую заботу об их памяти). Очевидно, таков обычный способ его выражений, и из отсутствия титулования Ардассумары в EA 17 никаких далеко идущих выводов извлечь нельзя. Более того, как упоминалось выше (прим. 19), «господин» является в EA обычным обозначением царя, а Ардассумара называется именно «господином» Утке (EA 17:14).

³² Восстановления по EA 56: 42.

19–20: «Три и четыре раза (т.е. «целых четыре раза». – А.Н.) он посылал, но тот все не давал ее. И пять и шесть раз (т.е. «целых шесть раз» – А.Н.) он посылал, и тогда (...) он дал ее»; ср. также, аналогично, в Ветхом Завете (Притч. 30: 15, 18, 21, 29) и др. Подобное объяснение, как наилучшим образом подходящее к контексту, мы и принимаем.

В таком случае, что это за «целых четыре царя»? Поскольку речь идет о Митанни, иметься в виду могут либо цари самого Хурри-Митанни³³, либо сирийские владетели – вассалы Митанни³⁴, либо, наконец, те и другие вместе. Особняком стоит мнение Ж. Фрея, согласно которому речь идет о хорошо известной по другому письму того же Агиссэ группе *бывших* митаннийских вассалов, которые, перед лицом победоносного хеттского вторжения в Сирию и краха митаннийского владычества в этом регионе, решились перейти из-под митаннийского протектората под египетский и сделали соответствующее заявления в Египет – как непосредственно от себя (ЕА 51), так и через Агиссэ³⁵. В ЕА 53: 40–49 Агиссэ действительно сообщает фараону именно о четырех таких «царях» («царь Нухашше, царь Ния, царь Зинзара и царь Туна-наба»), заявляя, что «все эти цари – господину моему рабы»³⁶, т.е. дипломатически представляя их уже как готовых египетских вассалов. На деле, однако, фараон так и не принял их в подданство.

Рассмотрим перечисленные варианты:

1. Сам по себе контекст едва ли позволяет сомневаться, что речь идет о царях собственно Митанни. Оба раза упоминание «трех и четырех царей» непосредственно следует за фразой «я побывал в Митанни» и оказывается ее прямым логическим развитием, причем термин «Митанни» не получает никаких оговорок и уточнений (так что получается, что египетский посол побывал в «Митанни» вообще, а не только в каких-то его отдельных сирийских владениях). Иначе говоря, в контексте для наших «царей» определяющим оказывается просто «Митанни» как таковое, что, естественно, побуждает видеть в них собственно митаннийских правителей.

2. Если бы имелись в виду вассальные митаннийские владетели, Агиссэ, очевидно, уточнил бы, о ком идет речь, и определил бы их не с помощью единственно указанного им ориентира «Митанни», а по их собственным царствам (как, кстати, он и поступает с князьями, перечисленными в ЕА 53: 40–49). В противном случае получилось

³³ Таково в общем виде мнение Дж. Мернейна, см. ниже.

³⁴ Как полагает О. Вебер (*Khudizon*. Op. cit. II. S. 1119). По альтернативному толкованию того же О. Вебера, речь может идти о сирийских владетелях, сидящих не в самой митаннийской сфере влияния, а «на пути в нее» (op. cit.). Однако митаннийская и египетская сферы влияния в Сирии прямо соприкасались друг с другом, так что «на пути» в пределы Митаннийской державы могли сидеть только египетские вассалы. О них, конечно, приведенные отрывки не говорят: в ЕА 54, 56 антихеттская позиция четырех царей представлена как результат их самостоятельного выбора, благоприятного для Египта и заслуживающего специального сообщения фараону. О позиции египетских вассалов в таких выражениях ни Агиссэ (сам такой же вассал), ни цитируемый им египетский посол, конечно, говорить бы не стал. От вассалов требовалась только верность фараону (и, действительно, положительно характеризуя соседних князей в других письмах, Агиссэ говорит только о ней), а на собственное мнение в международных делах они вообще не имели права. Кроме того, египетские вассалы в переписке с фараоном не осмеливаются титуловать «царями» ни себя, ни, тем более, других таких же вассалов. Кажущимся исключением из этого правила является титулование в ЕА 53 «царями» четырех сирийских князей, ищущих египетского протектората, см. ниже. Однако на момент составления этого письма указанные князья на деле еще не были приняты в египетское подданство; само письмо как раз и имеет целью сообщить фараону об их намерении и способствовать такому принятию. Очевидно, этих князей можно было именовать «царями» в предназначенном для фараона письме именно потому, что они еще не попали под египетскую власть (а чужих вассалов в принципе можно было именовать «царями», как это и делается в ЕА 31:1, ЕА 60:14). Между тем интересовавшие нас выше правители названы в ЕА 54, 56 именно «царями», и, следовательно, не могут быть владетелями, зависимыми от египтян.

³⁵ Freu J. Les guerres syriennes de Suppiluliuma et la fin de l'ère Amarnienne // *Hethitica*. XI. 1993. P. 66.

³⁶ an-nu-ut-ti qab-pa šarranu a-na ša be-lí-ia^{amclu}ardutu-m[a], ЕА 53:44.

бы, что в обоих своих письмах – ЕА 54 и ЕА 56 – он допустил двусмысленность, не позволяющую его адресату уяснить тот принципиальный факт, «расположены» ли к нему митаннийские сюзерены или только их сирийские вассалы. Двусмысленность такого рода, конечно, не могла бы быть допущена в дипломатической переписке, да еще два раза подряд.

3. «Цари» ЕА 54, 56 выступают как самостоятельные и полноправные субъекты международных отношений, в том числе по отношению к великим державам. Они заявляют о своей антихеттской и проегипетской ориентации, к ним обращено специальное египетское посольство и они сами, по-видимому, направляют посольство в Египет³⁷. Между тем для вассальных владетелей ведение самостоятельной внешней политики, во всяком случае по отношению к чужим великим державам, невозможно в принципе³⁸.

4. Как упоминалось, никакие князья Митаннийской державы не могли бы выступать на стороне фараона без санкции великого царя Митании, так что последний непременно должен был бы учитываться при счете царей-союзников фараона. Однако совершенно невозможно представить себе, чтобы корреспондент фараона уравнил вассальных князей с великим царем, «сложив» их друг с другом и исчисляя вместе безо всяких оговорок, как четверку однородных объектов³⁹.

5. Что касается гипотезы Ж. Фрея, то она, как представляется, содержит внутреннее противоречие. Коль скоро какие-либо сирийские царьки отказались от митаннийской власти и, самостоятельно вступив в сношения с фараоном, добивались египетского протектората, они тем самым уже не могли больше восприниматься как «митаннийские». В самом деле, таких царьков из ЕА 53 Агиссэ в указанном письме именуется лишь «рабами» фараона, определяет их только по их собственным царствам и ни словом не упоминает их исходного митаннийского подданства (так что догадаться о нем можно только по историческому контексту и косвенным данным). Уже поэтому с подобными владетелями невозможно отождествлять «царей» ЕА 54, 56, которые характеризуются единственным оборотом «в Митании», т.е. определяются именно как «митаннийские».

Итак, в рассмотренных пассажах ЕА 54, 56 речь идет именно об одновременно существующих и выступающих воедино на международной арене⁴⁰ царях собственно

³⁷ Обратим также внимание на стк. 43 ЕА 56: «их послы» – это, несомненно, послы «трех и четырех царей»; фараон что-то говорит им. Интересно, что при этом фараон, по-видимому, упоминает «страну Хурри» (ЕА 56:44), т.е. собственно Митании.

³⁸ Ср., в частности: от хеттских и митаннийских вассалов в Сирии в Амарнском архиве, при всем его изобилии, писем фараону не зарегистрировано: как видно, вассалы одной великой державы были просто лишены права самостоятельно сообщаться с другими великими державами «через голову» собственных сюзеренов.

³⁹ Четкое противопоставление «великих царей» крупных держав (Египет, Хатти, Митании, Кардуниас) всем прочим владетелям (в лучшем случае просто «царям», а чаще просто «градоначальникам» или «людям» такой-то области) было, как известно, общим местом политического мышления и словоупотребления изучаемой эпохи. Это ясно выражает, например, ЕА 76:11–16: «(11)... Далее: кто он такой, (12) А[бди]-Аши[r]та, собака, что он ищет (13) взять все города, о царь, о солнце, (14) себе? Или он царь страны Митана (15) и[ли] царь страны Кашше (Касситская Вавилония. – А.Н.), что (16) он ищет забрать страну царя себе?» Из ЕА 75:36–38 видно, что вассальные «царства» воспринимались просто как «страны царя Митании»: «(36) (...) Царь Хати захватил (37) все вассальные страны (38) царя страны Митта (= Митании)», см. ниже. В двух упоминавшихся выше примерах, даже называя чужих вассалов «царями», корреспонденты тут же торопятся уточнить их вассальный статус по отношению к другому великому царю: «Царям страны Кинаххи, рабам моего брата» (ЕА 30:1–2), «(зависимые) цари царя воинов хурри» (ЕА 60:14). В ЕА 53:40–49 Агиссэ, правда, именуется ряд сирийских владетелей «царями» без подобных оговорок, но, вернее всего, как раз потому, что на тот момент они ничьими вассалами и не были, а только искали египетского сюзеренитета, см. выше.

⁴⁰ Послы «царей» выступают, согласно ЕА 56:43, вместе как объект одного обращения фараона; очевидно, рассматриваемые «цари» действовали как политически ассоциированные друг с другом правители, по крайней мере в данном случае.

Хурри-Митанни, что может быть понято только как отражение соправительства, существовавшего в Митанни на тот момент. Станным образом эти данные не вызвали большого внимания у специалистов, большинство исследователей просто игнорирует их, С. Мерсер оценивает как заведомо непонятные⁴¹, а У. Мернейн вслед за С. Уотерхаусом считает, что «3–4 (!) царя» – это мелкие местные правители, разделившие Митанни в ходе смут, последовавших за смертью Тушратты⁴². Последняя гипотеза требует специального опровержения. Во-первых, сразу после смерти Тушратты Митанни целиком перешло под единую власть Ардадамы II (PDK 1–2), а вовсе не было разделено «местными правителями»⁴³; во-вторых, такие правители едва ли именовались бы в письмах ЕА «царями»⁴⁴; в-третьих, им было бы, конечно, не до активной борьбы с Хатти, полную готовность к которой им приписывают ЕА 54, 56 (и в равной степени соответственно У. Мернейн). Точки зрения О. Вебера и Ж. Фрея были рассмотрены и отклонены выше.

Как видим, данные ЕА 54, 56 требуют постулировать соправительство в Митанни и сами по себе; теперь же, когда у нас есть возможность сопоставить с ними реальную ситуацию соправительства, явствующую примерно для того же периода из независимого источника – ЕА 17 (см. выше, п. 1), мы теряем всякое основание не принимать указанного вывода.

2.2. Новое подтверждение сказанному мы находим в амарнском письме Рибадди, князя Гублу (Библа) к египетскому фараону (ЕА 75: 36–40): «(36) (...) Царь Хати захватил (37) все вассальные страны (38) царя страны Митта, то есть (досл. *šum-ta*, «или») (39) царя страны Нахма – (40) страны великих царей⁴⁵».

По единодушному мнению всех издателей и комментаторов текста (опиравшихся, помимо системного созвучия, на тот факт, что в сфере внимания Рибадди хеттский царь мог покорять только митаннийских и египетских вассалов) Митта – это Митанни⁴⁶, Нахма = Нахрима = Нахрайна, т.е. опять-таки Митанни, как ее вслед за

⁴¹ *Mercer*. Op. cit. P. 233. Not. to 1.54.

⁴² *Waterhouse S.D.* Syria in the Amarna Age. A Borderland between conflicting Empires. Ann Arbor, 1965. P. 62–63; *Murnane W.J.* The Road to Kadesh. Chicago, 1990. P. 11, 118.

⁴³ Вообще, история Митанни в Амарнский период в целом известна достаточно хорошо, и ни для одного ее отрезка предполагать разделения этой страны на отдельные «царства» в свете имеющихся данных невозможно. Именно поэтому «четыре царей» Митанни и приходится признавать *совместно* правящими царями.

⁴⁴ Ср. выше, прим. 39; характерно, что даже сам У. Мернейн вынужден именовать своих гипотетических правителей «kings» только в кавычках (Op. cit. P. 11).

⁴⁵ Конец этого пассажа требует комментария. Текст выглядит следующим образом: (38) *šar mat Mi-it-ta šum-ta* (39) *šar mat Na-ah-ta* (40) *mat šarrani ra-bu-[ti?]*. Мн.ч. «царей» (стк. 40) удостоверено, во-первых, удвоенным написанием идеограммы «царь», во-вторых, формой *ra-bu-[ti?]* (в ед.ч. стояло бы *ra-bi*). С. Мерсер и Ж. Фрей переводят так же, как мы (*Mercer*. Op. cit. P. 279; *Frey*. Op. cit. P. 57); Й. Кнудзон считает, что «страна великих царей» относится уже к началу следующего (полуразрушенного) предложения, описывающего антиегипетские козни Абди-Аширты, и играет там роль прямого дополнения – объекта захватов Абди-Аширты (*Knudtzon*. Op. cit. I. S. 381). Однако ясно, что Абди-Аширта, вассальный по отношению к Египту царек Амурру, не мог посягать ни на какую великую державу. У. Моран переводит со значительными дополнениями, которые кажутся ему необходимыми по смыслу: «...царя страны Митта(нни). (Смотри, он –) царь страны Нах(ри)ма (и) страны великих царей» (*Les Lettres...* P. 254). С нашей точки зрения, этот перевод сам по себе не дает ясного смысла; кроме того, он игнорирует форму *šum-ta*, прямо связывающую сочинительной связью «царя страны Митта» и «царя страны Нахма» (другие значения *šum-ta*, кроме сочинительного «или», здесь заведомо не подходят по контексту). Наконец, «страна великих царей» не может быть однородным членом к «стране Нахма» (как получается у Морана), поскольку тогда оказалось бы, что «царь страны Нахма», помимо Нахмы, владеет еще какой-то «страной великих царей». Но царь «Нахмы» – Нахрайна/Митанни – не располагал никаким «великим царством», кроме самого Митанни. Вообще, в период, отраженный амарнской перепиской, ни одно из «великих царств» Передней Азии ни разу и ни в какой степени не подчиняло себе другое. Итак, «страна великих царей» может быть только приложением, эпитетом к «стране Нахма» (а та в свою очередь – к «стране Митта», тождественной ей по существу, см. ниже).

⁴⁶ Ср. особенно *Les Lettres...* P. 254. Not. 7–8.

семицами называли египтяне. Очевидно, Рибадди, в первый раз упоминая Митанни в переписке с фараоном, считал нужным уточнить ее название еще и по-египетски, и речь идет об одной и той же стране, так что «или» (*šumma*) здесь, конечно, имеет уточняющее значение «или = иначе говоря»: «царь Митты, то есть царь Нахмы»⁴⁷. Действительно, всему пассажи соответствует как приложение слово «страна» (стк. 40) в единственном числе. Все это нам ничего нового не дает. Обратим, однако, внимание на то, что «Митта-Нахма» названа «страной великих царей (мн.ч.! – *A.H.*)». Заведомо исключено, чтобы такое выражение относилось к вассально-союзным князьям (см. выше, прим. 39); значит, это «великие цари» Митанни. Таким образом, в момент, отраженный EA 75, в Митанни правило сразу несколько царей⁴⁸.

⁴⁷ В противном случае, кстати, стояло бы *u*, и *lu* или *lu-lu*, обычные разделительно-противительные «или». Кроме того, выражающее вариативность разделительно-противительное «или» в рассматриваемом случае невозможно и само по себе: Рибадди, конечно, без всяких колебаний и вариантов знал, чьи именно страны захватил царь Хатти.

⁴⁸ Теоретически можно было бы еще предположить, что приведенное выражение относится к ряду последовательно правящих царей, носит ретроспективно-исторический характер и использовано в качестве усиленного способа выражения наследственного статуса митаннийского царя как «великого». Тогда выражение «страна великих царей» означает просто страну, в которой из поколения в поколение правят «великие» цари. Однако на древнем Востоке никогда не возникало типичных, например, для феодальной Европы споров о наследственном обосновании титула или статуса, единственно могущих дать почву для подобного словоупотребления; «великим царем» был всякий, кто сам был действительно «велик» (т.е. не состоял ни у кого младшим союзником и сам имел таковых) или обоснованно претендовал на такое положение. Далее, «историзм», присутствующий в обсуждаемой интерпретации нашего выражения, вообще был чужд политическому мышлению Передней Азии II тыс. до н.э., интересовавшегося прошлым лишь постольку, поскольку в нем можно было найти договоры, используемые как аргумент в спорах с соседями, их некогда заключившими. Наконец, обычный монархический принцип «король умер, да здравствует король» вообще приводил бы к тому, чтобы, желая суммарным эпитетом передать общий статус последовательно правивших царей, житель древнего Востока говорил бы о «царе» вообще, в единственном числе. По счастью, у нас есть прямые доказательства именно такого словоупотребления в EA:

EA 109: 5 ff. (тот же Рибадди – Аменхотепу III или Эхнатону): «Прежде (ра-па-ни) царь страны Митана был враждебен твоим отцам, и твои отцы не отступались от моих отцов». «Отцами» египетскому адресату Рибадди, в зависимости от его личности, приходились либо Аменхотеп III – Тутмос IV, либо Тутмос IV – Аменхотеп II (и в обоих случаях их предшественники). Никто из митаннийских царей, отразившихся в EA, не мог быть врагом этим правителям даже фактически (Тушратта воцарился при Аменхотепе III и был навсегда отрезан хеттами от Египта при Эхнатоне; последующие митаннийские цари также не имели с Египтом никакой связи), не говоря о том, что и Суттарна II, и Тушратта были союзниками Аменхотепа III, и единственная митанно-египетская ссора в XIV в. произошла между Тушраттой и Эхнатоном. Таким образом, говоря о «царе страны Митана», Рибадди имеет в виду не какого-либо конкретного митаннийского царя, а собирательную фигуру, объединяющую целый ряд митаннийских правителей прежних времен (что дополнительно удостоверяется словом «прежде») и представленную словом «царь» в единственном числе.

EA 59 (жители Тунипа – фараону): «(13 ff.) Мы уже двадцать лет пишем царю, нашему господину»; «(44 ff.) Мы уже двадцать лет пишем царю, нашему господину, царю страны Мицири». В указанном письме единственным врагом Тунипа выступает Азиру, причем жители города опасаются, что Азиру «сделает с нами, как он сделал с городом Ний» (сткк. 44–45). Все исследователи датируют это письмо временем Аменхотепа IV (1368–1351): в самом деле, Азиру мог воздействовать на Ний только после великой (так называемой «Второй» или «одногодичной») сирийской войны Суппилулиумаса, имевшей место при Эхнатоне (только тогда Амурру и Ний попали в пределы одного политического сообщества; до того Ний принадлежал митаннийской/хеттской, а Амурру – египетской Азии. Кроме того, как указывает PDK I: 25–37, на момент той же войны Ний был самостоятельным и достаточно могущественным государством, никак не оправдывающим страха, выраженного в EA 59). Кто же был «царем, нашим господином» в EA 59? Аменхотепом III он быть не мог: как только что сказано, EA 59 написано при Эхнатоне. Кроме того, даже если считать адресатом EA 59 Аменхотепа III (правившего 37–38 лет), то начало 20-летнего срока, названного в EA 59, придется на первые 10–15 лет этого фараона. Однако эти, по-видимому, вполне благополучные для египетской власти в Азии годы едва ли подходят для начала непрерывного кризиса в Тунипе, брошенном египтянами в течение всех 20-ти лет с тех пор на произвол судьбы. Наконец, и сам такой кризис мыслим главным образом при Эхнатоне, а не при его предшественнике. Итак, «наш господин» EA 59 – не Аменхотеп III. Но

2.3. Несомненно, в ЕА 54, 56, 75 отражена та же ситуация, что и в ЕА 17. Всякий иной вывод будет крайне маловероятен хотя бы потому, что, начиная с момента отправки ЕА 17, правление Тушратты и его преемников достаточно хорошо известно, и места для нескольких соправительствующих царей Митанни в этот период найти без насилия над источниками нельзя. Тем самым мы вновь приходим к началу правления Тушратты (до отправки ЕА 17), т.е. к тому самому периоду, для которого было независимо зарегистрировано соправительство Ардассумары (п. 1).

Сведения ЕА 54, 56 сообщают нам новые важные подробности касательно соправительства в Митанни: оно, оказывается, представляло собой тетрархию («целых четыре царя»)⁴⁹. Это не должно нас удивлять: если уж существовало соправительство, то легко может быть допущено его расширение; учитывая же разрозненный и отрывочный характер наших источников, не будет ничего странного в том, что мы не встречаем в них двух других соправителей, прямо названных в этом качестве. Природа соправительства остается, разумеется, той же, выявленной благодаря ЕА 17 на примере Ардассумары: это своего рода «квазирегентство» при «юном» легитимном престолонаследнике, имеющем старших братьев. Наконец, число четырех царей может быть достаточно удобно объяснено как «тройка» дееспособных царевичей-соправителей при этом престолонаследнике (троичность в этом случае комментариев, как представляется, не требует)⁵⁰. Упоминание в ЕА 17 одного лишь Ардассумары позволяет нам думать, что фактическим главой режима соправительства на момент переворота Утхе был именно он⁵¹.

3. Финал эпохи соправительства.

Подчеркнем, что и в ЕА 17, и во всех последующих документах (как митаннийских, так и иноземных) Тушратта предстает вполне единовластным царем; никаких следов соправительства уловить здесь нельзя. Учитывая подробность названных ЕА, не приходится сомневаться в том, что в период, отраженный этими письмами (и, тем самым, в момент отправки ЕА 17 – первого из них), соправительства уже не существовало. В самом деле, уже в ЕА 17 все актуальное содержание этого весьма детального письма касается исключительно самого Тушратты и рисует его единоличным властителем Митанни. Было бы большой натяжкой считать, что соправители еще существовали, но были проигнорированы в письме такой подробности, самой целью которого к тому

и последующих египетских царей с этим «господином» соотносить нельзя: Аменхотеп IV, как и его преемники, правил менее 20 лет! Остается считать, что «царь страны Мицири, наш господин» в ЕА 59 – это не какой-то определенный фараон, а египетский царь вообще, в данном случае «отображающий» совокупность двух последовательных правителей – Аменхотепов III и IV.

Абимилки, князь Тира, желая выразить особый статус Угарита (ср. о нем же ЕА I: 36–42), называет его «город царя, Угарит» (ЕА 151: 55); здесь опять-таки ранг наследственных правителей Угарита передан при помощи единственного числа.

Итак, для передачи предположенного выше смысла оборота ЕА 75: 40 («цари» – последовательно правящие цари, а весь эпитет в целом служит для выражения наследственного статуса митаннийской короны как «великоцарского») амарнские документы применяют в действительности единственное число. Тем самым наш оборот с «царями» во мн.ч. должен иметь другое значение, и его «цари» могли править только одновременно.

⁴⁹ Укажем, что Утхе ни при каких обстоятельствах не может принадлежать к их числу. Дело тут не в его хурритском имени (Тушратта мог бы называть своего врага-царевича его личным хурритским, а не тронным индоарийским именем, подобно тому, как Хаттусилис III зовет своего врага-племянника строго Урхи-Тессобом), но в том, что третье лицо, причем именно другой соправитель, именуется его «господином» (ЕА 17: 14).

⁵⁰ Кстати, мотив фактического соправительства нескольких братьев прочно укоренен в индоарийской традиции (достаточно вспомнить Пандавов и Кауравов), а династия Митанни, как известно, была индоарийского происхождения.

⁵¹ С чем вполне согласуется его роль старшего брата и предполагаемые обстоятельства установления самого соправительства как фактической опеки.

же было заново «представить» Митанни египетскому фараону (почему в EA 17 и оказалась включена предыстория его отправки) и возобновить египто-митаннийские связи. Как единственный субъект власти Тушратта выступает и в реляции о своей победе над хеттами (EA 17: 31–40), последовавшей по контексту за уничтожением Утхе и предшествовавшей отправке самого EA 17. Это исчезновение соправителей было бы естественнее всего сопоставлять с одним из переворотов, отмеченных в EA 17 (до первого из них – убийства Ардассумары – оно во всяком случае существовало), т.е. либо с переворотом Утхе = убийством Ардассумары (EA 17: 14), либо с переворотом самого Тушратты-убийством Утхе (EA 17: 19–20). Надежный выбор здесь представляется невозможным, но, учитывая характер обоих переворотов, ликвидация соправительства должна быть с большей вероятностью соотнесена именно с первым из них. Во-первых, Утхе действительно уничтожил по крайней мере одного из соправителей – Ардассумару. Во-вторых, в EA 17: 19–20 Тушратта специально описывает учиненный им политический переворот, давший ему реальную власть (именно этот переворот является для EA 17 актуальным, а сведения о деятельности Утхе приводятся лишь как его предыстория), но не дает при этом ни единого намека ни на то, что он выступал не единолично, ни на то, что при этом случилась столь важная перемена, как ликвидация соправительства. Едва ли это случайно⁵². Отсутствие же аналогичной информации при упоминании переворота Утхе в этом отношении ничего не значит, поскольку и само это упоминание является, как говорилось, лишь выборочной исторической ссылкой. В-третьих, саму по себе картину всевластия Утхе накануне переворота Тушратты и изображение его в качестве единственного предводителя врагов царя в EA 17: 15 ff. было бы довольно трудно примирить с наличием соправителей Тушратты в тот же период. Все это ведет нас к увязке ликвидации соправительства с убийством Ардассумары и прочими «злодеяниями» Утхе EA 17: 12–14.

COREGENCY OF SUCCESSORS OF SUTTARNA II IN MITANNI

A.A. Nemirovski

The author undertakes a new interpretation of several Amarna letters (EA 17, EA 54, EA 56, EA 75). In the first of them (discussed many times in research works) Mitannian king Tušratta gives account of his accession to the throne and mentions the assassination of his brother Ardaššumara without any evident relevance (EA 17: 11–20). So far Ardaššumara has been considered by scholars either as a private person or as Tušratta's predecessor on the throne. Ardaššumara's Indo-Aryan "throne-name", the epithet "Lord" applied to him in EA 17 and one contract from Tell-Brak calling him "King of Mitanni" discard the former presumption. The contents of the mentioned passage from EA 17, its morphology and syntax prove that Ardaššumara was assassinated after Tušratta had ascended the throne. Ardaššumara, a king killed during his brother's rule, is, therefore, to be recognized as Tušratta's coregent. EA 54: 38–43 and EA 56: 36–45 mention "three and four" (i.e. "as many as four") kings of Mitanni, and EA 75: 36–40 calls Mitanni "land of great kings". All these expressions, as the analysis shows, necessarily imply the situation of coregency and improve our knowledge of it, bringing the number of rulers to four. However, the character of Tušratta's correspondence with pharaohs indicates that the regime of coregency in Mitanni ceased to exist before this correspondence began. Its end is therefore to be connected with one of the political coups mentioned in EA 17.

⁵² Разумеется, все сказанное могло быть лишь плодом некоей избирательной тенденциозности автора письма, однако смысл подобной избирательности оставался бы неясен.